

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РАЗРУШУ ТВОЮ ЖИЗНЬ

ЕЛЕНА РАХМАНИНА

Елена Рахманина
Разрушу твою жизнь
Серия «Пламя», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67970895

SelfPub; 2022

Аннотация

«Всё очень просто, – произносит Шамиль с ухмылкой, так и не взглянув в мою сторону. Будто меня и не существует. Будто для него я вещь. – Я верну всё, что принадлежало её отцу, только при одном условии».

«Каком?» – спрашивает мой так называемый жених. Я ощущаю волну бесконтрольного гнева, исходящую от него.

«Я заберу твою невесту в свою собственность», – улыбка моего врага превращается в злобный оскал, заставляющий сердце биться чаще.

Мне казалось, я нахожусь на своей казни. Знакомые мужчины рядом, которых я считала защитниками, превратились в свидетелей. Один взмах топора – и голова покатится к ногам Шамиля. А он наконец сможет взять меня за волосы.

Содержит нецензурную брань.

Елена Рахманина

Разрушу твою жизнь

Глава 1

– Это хорошо. А то кем бы ты была, если бы переспала с тем, кто заказал твоего отца, – произносит деловой партнёр Василия Вишневого. Моего папы.

Соломон – человек, отправивший меня на работу в клуб «Рай», чтобы добыть компромат на владельца известного на весь город заведения с сомнительной репутацией. В которое, несмотря ни на что, продолжали наведываться все важные шишки, знаменитости, министры, бизнесмены нашей страны.

А я, к собственному ужасу, влюбилась в это чудовище, от прикосновений которого плавила и млела ещё десять минут назад.

Должно быть, именно такие ощущения возникают при взрыве атомной бомбы. Слова Соломона окатили меня горячей, удушающей волной. Лишающей возможности дышать, стоять. Превращая моё сердце и моё тело в камень. Безжизненный. Мёртвый. Перемалывая все чувства внутри, как через мясорубку.

Только по щекам по инерции катились слёзы, которых я не сумела сдержать. Жалящие мою обожжённую плоть.

– Почему вы раньше не сказали? – спрашиваю, борясь с

рыданиями, сдавливающими моё горло.

– Я знаю тебя, Лисёнок. Ты бы не сдержалась. Не хотел тобой рисковать.

– Какие против него доказательства? – упрямо гну свою линию, хватаясь, подобно утопающему, за соломинку. Призрачную надежду на то, что эти слова – жестокая ложь. Шутка. Попытка меня наказать.

– У него имелся мотив. Но какой, ты и сама скоро узнаешь. К тому же убийца – человек Ямадаева, – сухо пояснил Соломон, разглядывая, как я разрушаюсь на его глазах.

Ища опору, вжалась в холодную стену туалетной кабинки, в которую он меня затащил. Опасаясь, что просто сползу на пол.

С губ сорвался стон боли от этой информации. С каждой секундой становилось всё хуже. Мне казалось, что предел боли я когда-то уже постигла. Но нет. В данный момент я изучала её новые грани.

– Будь благоразумна, Василиса. Не позорь своего отца. С твоей помощью мы сможем уничтожить Ямадаева. Помни об этом. Ты ведь именно этого хотела?

– Да, – едва слышно выдыхаю.

Он улыбается своей фирменной очаровательной улыбкой. Кладёт горячую ладонь на мою талию, притягивая ближе, заставляя меня задохнуться от аромата его парфюма. Я не оттолкнула его лишь потому, что находилась в оцепенении. В шоке.

– Ты же знаешь, что можешь на меня положиться. Если нужна будет помощь, я к твоим услугам, Лисёнок.

Мне хотелось послать его ко всем чертям. Его слова были смешны. И мне хотелось высказать всё, что накопило. Но Соломон, удовлетворённый моим убитым состоянием, вышел, оставив меня наедине с новым кошмаром.

Я села на крышку унитаза, не понимая, как смогу себя собрать. Как выберусь с этой вечеринки, миновав Ямадаева. Мне нужно переварить полученную информацию. Убедиться, что Соломон не врёт. Хотя в глубине души я поверила ему сразу.

Время неумолимо истекало. Я знала, что Шамиль заподозрит неладное, если я не появлюсь.

Вывалилась из кабинки, встречаясь с собственным отражением в зеркале. Глаза стеклянные. Жуткие. Испуганные и пустые.

Включила воду в умывальнике, глотая холодную жидкость в надежде, что она немного заглушит пожар внутри меня. Смочила ладони, прикладывая их к пылающему лицу. Но ничего не помогало. Дышать совершенно нечем.

Одно радовало. Кажется, в туалете во время этого диалога никого не было.

Голова кружилась, воздуха не хватало. И я даже не заметила, когда в помещение вошла девушка.

Прохладные пальцы сжали моё предплечье, удерживая от падения. Я и не поняла, что мои коленки подгибались, а я

неумолимо оседала на пол.

– С вами всё в порядке? – раздался мелодичный голос.

Я повернула лицо в сторону незнакомки. Тонкая, высокая. Старше меня лет на восемь и безумно красивая. Как эльф. Под платьем из серебряного атласа выпирал небольшой животик. Не знаю, какой месяц беременности. Она вся такая худенькая, что, может, и пятый.

Беспокойство, которое я прочитала в её глазах, задело что-то внутри меня. И слёзы покатились с новой силой. От острого ощущения потери. От осознания глубины собственной ошибки. Слишком крупный просчёт я допустила в отношении Хозяина.

Качаю отрицательно головой, не в силах произнести и слова.

– Пойдёмте, вам нужно подышать свежим воздухом. Похоже, у вас паническая атака. С кем вы тут? Может, кого-то позвать?

Её голос действовал как анестезия.

– Нет.

Мысль о том, что я сейчас могу увидеть Шамиля, причиняла боль.

Она вывела меня на террасу. Короткая дорога размазалась в одно пятно. Яркую кляксу из бриллиантов проходящих мимо дам.

Здесь было холодно. Но мне стало легче.

– Посидите чуть-чуть, я позову мужа.

Незнакомка помогла мне опуститься на скамейку. И я устояла в одну точку, неспособная даже думать. Анализировать. Стоило мозгам заработать, как я принималась перебирать в памяти каждое мгновение рядом с Шамилем.

– Якуб, девушке стало плохо. Нужно отвезти её в больницу, – шум из глубины дома на миг проникает на террасу.

Я поднимаю голову, встречаясь взглядом сначала с синими глазами мужчины, которого ранее уже имела честь видеть в доме Шамя. А затем и с самим Шамилем.

По коже прошёл холодок. Мы смотрели друг другу в глаза целую вечность. И те пятнадцать минут, что нас разделили этим вечером, слишком много изменили между нами.

Шамиль опустился на корточки рядом со мной, так что наши лица оказались почти на одном уровне.

Пыталась собраться, вспомнить человеческий спектр эмоций, которые могла бы ему продемонстрировать. Но внутри нашлась только чёрная дыра. Бесконечная пропасть. Поэтому я продолжала транслировать лишь необъятную пустоту.

– Лиса, что случилось? – его рука тянется к моей щеке, и я непроизвольно, не контролируя своё поведение, отстраняюсь.

Он хватает пальцами воздух, зажимая их в кулак и сводя брови. Не понимает, что происходит.

– Ничего, – глухим, заплаканным голосом отвечаю, – мне нужно домой.

Я успела позабыть, что кроме нас здесь ещё два свидетеля. И вдруг до меня дошло – эта милая девушка наверняка поняла, что я пришла именно с Шамилем, но ничего ей про него не сказала. Потому что видеть его не желала. Сумеет ли она сложить дважды два?

Судя по кольцам на безымянных пальцах, она пара синеглазого. А значит, связана с Ямадаевым. Да и то, как синеглазый обнимал её, словно желая укрыть от всего мира, говорило лучше штампа в паспорте о том, кем он ей приходится.

На секунду пронзила острая зависть. Но сейчас мне совсем не до грёз о семье.

– Оставьте нас, – не отрывая от меня цепкого взгляда, словно опасаясь пропустить эмоцию, попросил Шамиль своих друзей. Хотя просьбу это мало напоминало. Слишком резко звучал его голос.

Не желала оставаться с ним наедине. Опасалась, что сорвусь. Вцеплюсь в его шею и вырву кадык зубами.

Умоляюще взглянула на девушку. Она на секунду замешкалась, но её спутник решил всё за неё, увлекая за собой.

Дверь захлопнулась.

Шамиль снял с себя пиджак, накидывая на мои плечи. Меня знобило. Но я этого почти не замечала. Мне нравилось, что здесь холодно. Мороз остужал чувства.

– Тебя кто-то обидел? – ещё один вопрос. На этот раз заставивший мои губы изогнуться в подобии улыбки. Циничной.

Ты. Ты обидел. Сердце моё забрал и сжёг. А пепел засунул обратно в грудную клетку.

– Я домой хочу. К себе, – повторяю, но так, чтобы у него не возникло сомнений, какое место я называю домом.

– Зачем? – он всё же прикасается ко мне, проводит костяшками пальцев по холодной щеке.

Мне больно от этого жеста. Я готова разложиться на атомы прямо здесь. Закричать во всю силу лёгких, чтобы хоть как-то ослабить муки.

А он продолжает смотреть на меня так, что мне привиделось, будто я лежу в нагретом солнцем водоёме, вечером, после дневного зноя. Когда вода как парное молоко. Мне хотелось нежиться в этом взгляде. Превратиться в кошку и потереться мордочкой о ноги хозяина.

Нужно любым способом прогнать это выражение из глаз. Чтобы он больше никогда на меня так не смотрел.

– Всё кончено, Хозяин, – заставляю себя улыбнуться, склоняя голову, изучая красивого мужчину напротив. Чудовище. – Я наигралась и больше не хочу тебя видеть.

Возможно, секунду назад мне лишь почудились его ответные чувства. Вся эта теплота в его взгляде. Узкая створка, которую он приоткрыл, позволяя заглянуть в душу, только что резко захлопнулась.

– Кто тебе сказал, Маугли, что правила игры выбираешь ты? – интересуется ледяным тоном, поднимаясь и увлекая меня за собой.

Я слишком паршиво ещё себя чувствовала и едва устояла на ногах. Но, на мою беду, Шамиль и не думал меня отпускать. Притянул к груди в собственническом жесте с такой силой, что мне показалось, я сейчас сломаюсь. Свободной рукой провел по голове, надавливая пальцами на череп, и впился в мой рот.

Не успела среагировать. Оттолкнуть его, не позволить этому поцелую случиться. Но слишком поздно. Он завладел моими губами, проникая языком в рот. Яростно сминая, словно хотел причинить боль.

Мне стала совершенно непонятна реакция тела. Оглушающая странным желанием вопреки всем доводам разума. Именно она испугала меня сильнее, чем его напор.

Чтобы прекратить эту пытку, я на мгновение расслабилась в его руках. Позволяя поверить, будто я сдалась. Ощущая, как его руки исследуют моё тело, как широкая ладонь сжимает мой зад, притягивая к паху. И когда горячая волна обдала низ живота, я укусила его за нижнюю губу, пока на языке не появился металлический привкус.

Глава 2

Шамиль с шипением отпрянул, прикладывая пальцы к окровавленным губам, не веря в случившееся. Поднял на меня удивлённый взгляд, в котором плескалось бешенство. В тусклом свете даже привиделись языки пламени, плясавшие в его радужке.

– И что ты мне за это сделаешь? Ударишь? – Не понимаю,

почему всё ещё здесь. Почему так веду себя. Почему не разворачиваюсь и не покидаю это место.

Почему не могу перестать смотреть на него.

Мне хочется, чтобы он причинил мне физическую боль. Чтобы я на своей шкуре испытала, насколько он плохой. И не тянулась к нему всеми фибрами души. И ради этого я готова была вытряхнуть из него всю его знаменитую выдержку.

– Порка тебе бы не помешала, Лиса, – с явным намерением исполнить сказанное произносит, сжимая мою руку чуть выше локтя и вытаскивая с террасы.

Мы тут же окунаемся в гущу вечеринки. Гости под градусом бесплатного алкоголя за время моего отсутствия успели перейти на новый уровень развлечений.

Если до этой секунды я мечтала сбежать отсюда. То теперь передумала. Бредовая мысль довести Шамиля до белого каления не отпускала. Стало жизненно важным увидеть его в истинном свете.

Выхватываю у проносящегося мимо официанта бокал шампанского с подноса. Под тяжёлым взглядом Шамиля залпом опрокидываю его в себя.

Нужно заглушить боль любым способом. Я не так часто пью, и алкоголь почти сразу ударяет по мозгам. Мир раздвигается в свете неоновом освещении.

Становится жарко. Здесь совсем не так легко дышится, как на террасе.

– Отпусти меня, – дёргаю за руку, и его пальцы медленно

отлепляются от моей кожи.

Скидываю с плеч пиджак, возвращая его владельцу, и направляюсь туда, откуда доносится музыка.

Отчего-то почти уверенная в том, что Шамиль меня оставит, я устремляюсь к барной стойке, заказывая ещё порцию алкоголя. Пока девушка-бармен смешивает для меня коктейль, оглядываюсь через плечо, ища глазами Хозяина. Не понимая, почему он ещё не устроил мне взбучку. Я видела, что ему до чёртиков хотелось поставить меня в угол на горox.

Меня словно обухом по голове ударяет, когда вместо ожидаемой картинки я вижу Шамиля, расслабленно беседующего с подкатившей к нему незнакомкой.

Если бы бешенство можно было измерять по десятибалльной шкале, то мой уровень потянул бы на сотку.

Он стоит весь из себя такой красивый. В своём ладно сидящем на нём пиджаке, который ещё должен хранить мой запах, засунув руки в карманы брюк. А прелестная девушка прямо на моих глазах разве что не вылезает из собственного платья, лишь символически прикрывающего стратегически важные части тела. И тычет ему в нос свои внушительных размеров сиськи.

Через проходящих мимо людей наши взгляды встречаются. Его – спокойный и холодный. И мой – пылающий и яростный.

Разговаривая с ней, он смотрит на меня. К горлу подка-

тывают слезы, потому что я не понимаю этой жестокой насмешки судьбы. Почему именно он?

Если бы Соломон с самого начала предупредил меня о том, что Шамиль виновен в смерти отца и брата, я бы не позволила ему так глубоко проникнуть в сердце.

Как жаль, что это не ночной клуб, здесь не затеряться в толпе. Но я всё же иду на танцпол, покачиваясь на высоких каблуках, надеясь не растянуться на полу.

Мимоходом замечаю ту заботливую девушку, что пыталась мне помочь. И её мужчину. Они оба наблюдали за моим поведением, что меня крайне удивляло.

Тоже мне реалити-шоу.

На её эльфийском личике улыбка. На его – ухмылка.

Из колонок заиграла мегапопулярная танцевальная новинка. И я не могла даже припомнить, когда в свои восемнадцать лет была на дискотеке. Между погонями за матерью и поиском убийцы отца.

Отпустила все мысли, все страхи. Позволяя музыке и телу увести меня за собой. Мечтая когда-нибудь расплатиться по счетам с тем, кто разрушил мою жизнь. Уничтожил мою семью. Чего бы мне это ни стоило.

Не знаю, как выглядели мои пьяные движения со стороны. Боль пронзала кости и мышцы, танцевала со мной, утоляла жажду ледяным мохито. И циркулировала по жилам вместе с кровью. Она буквально лучилась из моей кожи. Выжигала меня, преобразуясь в движения.

– Эй, красавица, потанцуй со мной, – выдыхает кто-то мне в лицо, обдавая зловонным ароматом застарелого пота, привлекая к себе, касаясь моей кожи влажными ладонями.

Почему-то такого поворота я не ожидала на светской вечеринке, хотя, должно быть, нарушила все правила и угробила репутацию своему кавалеру собственным поведением. Уверена, все предыдущие спутницы Шамиля в его присутствии не позволяли себе лишний раз повысить голос.

Уставилась в пьяные глаза парня. И в его крови явно не только алкоголь, но и ещё какое-то нелегальное синтетическое вещество.

– Шёл бы ты, пока не поздно, – отвечаю, озираясь по сторонам. Но на танцполе стало слишком тесно. Да и с чего я взяла, что Шамиль захочет помочь?

– А то что, что ты мне сделаешь? По тебе же видно, что ты шлюха, пришедшая найти себе папика. Хочешь, сегодня я буду твоим папиком?

Зря я воображала, что сейчас придёт Ямадаев и врежет ему. Шамиль даже не думал шевелиться. Я наконец отыскала его взглядом.

Он ждал. Ждал, когда я попрошу помощи.

Сглотнула слюну, ощущая отвращение от новой компании. И в то же время не желая в очередной раз быть спасённой Хозяином. Чтобы он поставил ещё одну зарубку в столбец моих долгов перед ним.

Преодолевая внутреннее сопротивление, я улыбнулась

как можно слаще оскорблявшему меня хаму и положила ладони ему на плечи, заставляя нагнуться.

– Видишь ли, милый, у меня уже есть папик. И он сейчас наблюдает за нами. Только вот незадача, он обычно не оставляет в живых моих ухажёров, – воркующим голосом шептала.

– Что ты мелешь, сука? – почему-то оскорбляется, хватая меня за шею.

Но ненадолго. Не проходит и пары секунд, как к нам подлетают крепкие охранники и утаскивают мужчину. И я точно знаю, что это дело рук Ямадаева.

Хотя бы потому, что он, оставив грудастую девицу, направляется в мою сторону. Чёртов игрок в покер. По его лицу не разобрать ни одной эмоции.

Ощущение, будто меня сюда аниматором пригласили. Развеять беспросветную тоску богатых дядь. Скучали, пока я не появилась. А теперь наблюдают шоу.

Вот и ещё один богатый дядя рассекал зал, как ледокол, так что остальные гости отходили в сторону, чтобы случайно не оказаться задетыми.

Важный такой. Руки в карманах. Мускулы под одеждой перекачиваются, демонстрируя силу и власть. И каждый присутствующий в курсе, что этот человек способен свернуть шею одним движением.

Градус алкоголя спал. Тело от напряжения будто током

пронзало, мышцы вибрировали под кожей. Я сцепила пальцы, не желая показывать дрожь, хотя по какой-то странной причине зуб на зуб не попадал.

Боюсь, что ли, его? Боюсь.

Глупая, решила, что под его красивой личиной скрывается человек. Повелась на обманку. А он ведь запросто может меня прихлопнуть. Надоем, и возьмёт в руку мухобойку. От моего жалкого существа только мокрое место останется.

Окатил холодным взглядом. Нагнулся чуть ниже, давая возможность расслышать его сквозь шум и музыку.

– Успокоилась? – спрашивает, нависая, по-прежнему оставляя руки в карманах.

Видимо, сдерживается, чтобы не наложить их на мою шею.

– Дядь Хозяин,пусти меня, а? – склоняю голову, рассматривая его в свете прожекторов, пытаюсь отыскать хоть один изъян во внешности. И не нахожу. – Я буду хорошей девочкой и больше не приду в твой клуб.

Думала, удивится. Спросит, почему я так резко изменила поведение. Недавно льнула кошкой. А сейчас выпустила иглы, как дикобраз.

Только этого человека вряд ли интересует моё мнение.

– Не получится, котёнок, – тяжёлая ладонь ложится на моё плечо, хрупкое, кажущееся особенно тонким под мощью его силы. Ему стоит чуть сжать, и косточки рассыплются прямо на танцпол. Я вижу по глазам, что он способен причинить

мне боль. В какой-то степени, возможно, даже хочет. Потому что в них горит недобрый огонёк. Из-за чего ласкающий тонкую кожу большой палец, которым он лениво водит, меня скорее пугает.

– Почему? – сипло интересуюсь.

– Я заплатил за твою жизнь высокую цену. И не отпущу тебя, пока ты мне не надоешь.

Наверное, услышь я эти слова чуть раньше, они ранили бы моё нежное девичье сердечко из-за того, что его хозяйка успела по уши втрескаться в Шамиля. Но благодаря Соломону, взгляд которого я сейчас ощущала на себе, мой мир разбился вдребезги. А вместе с ним и чувства рассыпались в хаотичном порядке.

И всё же мои глаза становятся круглыми, как блюдца. Удивлёнными. Почему-то от него подобного поворота я не ожидала. Пускай и понимала, что действительно задолжала ему за своё спасение.

Только зачем ему я? Щёлкнет пальцами, и стайка его поклонниц, расталкивая друг друга локтями, слетится к нам.

– А если я не хочу? – задаю крайне наивный вопрос.

Шамиль задумчиво изучает меня. Рассматривает с новым интересом. Будто так ему эта игра нравится даже больше. И в подтверждение этой догадки ладонь перемещается к шее. Всё ещё скорее лаская, нежели грозя асфиксией. Но от того, как при глотании я ощущала его руку, становилось не по себе.

– Захочешь, – просто отвечает он.

И мне бы следовало запротестовать. Сказать, что он не имеет на это права. Только такие, как он, законам не подчиняются. А кроют их под себя.

– Ты в любом случае уйдёшь отсюда со мной. По доброй воле или силой. Выбирай.

Оглядываюсь по сторонам. Снова встречаюсь глазами с Соломоном. Он тоже не один. С женой. Она меня не узнает. За минувшие годы я слишком изменилась. А вот Соломон был захвачен нашим представлением. Другим гостям мы уже безразличны.

Смысла устраивать балаган я не видела.

К тому же стоит ли отказываться от плана, когда мне удалось приблизиться к его реализации? Ведь теперь я как никогда близка к Хозяину. А значит, могу узнать куда больше, чем раньше.

Только не уверена, что после всего от меня хоть что-то останется. Живое и разумное.

– Хорошо, – тихо отвечаю.

Ямадаев, удовлетворённый ответом, кивает. Наконец опускает руку с шеи, скользя ею по моему телу вниз и оставаясь на талии. Притягивает к себе под бок, так, что я ощущаю себя его аксессуаром. Красивым, дорогим приложением.

Он уводит меня из зала, и я ловлю на себе завистливые взгляды женщин. Наверняка они думают о том, как он ско-

ро будет трахать меня. Жёстко и грубо, учитывая недавнее поведение. Его.

На мои плечи возвращается верхняя одежда. Я ожидала, что сейчас Шамиль сядет за руль. Но вместо автомобиля, на котором мы приехали, подъезжает другая машина. Тонированный чёрный джип с водителем за рулём.

Шамиль открывает передо мной дверь, помогая забраться на заднее сиденье, и сам садится рядом.

Я рассчитывала, что в пути меня ждёт передышка. Возможность придумать, как вести себя дальше. Как избежать близости с ним, которая казалась мне неминуемой.

Но он не дал мне такого шанса. Стоило джипу тронуться, как Шамиль потянул меня на свои колени. Свести ноги вместе он мне не позволил. Жёстким движением заставил оседать себя, чтобы мы оказались лицом к лицу.

Короткое платье задралось до бёдер, обнажая чулки и трусы. Я невольно обернулась, чтобы взглянуть, не подглядывает ли водитель. Но он смотрел прямо перед собой. Наверное, даже в боковое зеркало боялся скосить глаза.

Пальцы Шамиля огладили мои ноги, полоску обнажённой кожи между кружевом чулок и трусиками. Прошлись по краю нижнего белья. Он прикасался ко мне так, будто старался запомнить. Изучить. Узнать реакцию моего тела.

А тело... тело совсем меня не слушалось.

По какой-то непонятной для меня причине я плавилась от этих ласк. Они туманили мой мозг. И я грешила на выпитый

алкоголь.

– Лиса, запомни одно, – ровно и вкрадчиво произносит. Его голос не дрожит от возбуждения. Он спокоен и собран, несмотря на то, что промежностью я ощущаю его ставший твёрдым член. – Ты – моя. Посудомойка, официантка, собственность, вещь, женщина. Пока я этого хочу.

Глава 3

– Твоя? – переспрашиваю механическим голосом.

Взлёт по карьерной лестнице поистине феерический.

– Моя.

Его ладонь движется от моего зада вверх к пояснице, прижимая теснее. Позволяя ощутить жар его тела. Вдохнуть глубже мужской запах. И лишь прикладывая силу воли, я не утыкаюсь носом в изгиб его шеи, как наркоманка, которой требуется доза побольше. Но неумолимо скатываюсь с катушек от вожделения.

Движение сильных рук снова к ногам, узким стопам в пачтинке чулок. Сжимает, поглаживает. Простые прикосновения, отправляющие миллиарды мурашек по всему телу. Зажигающие искры и пламя.

Дыхание сбивается, и уже не понимаю, что нужно делать, чтобы оно вновь вернулось в прежнее русло. Вдох-выдох. Потому что сейчас я способна лишь судорожно глотать воздух. И плескаться в густом и горячем омуте желания. Слишком насыщенном, слишком вкусном. Туманящем разум.

Голова отказала. Осталось только тело. Только чувства.

Я нырнула в тёмную бездну, зажмурив глаза.

Горячие пальцы проникли мне в трусики, электрическим током пронзили тело. Я вздрогнула, ощутив ласку. Движения, размазывающие влагу по губам. Он словно показывал, чего я могу лишиться, если вдруг откажу. Но таким, как он, не отказывают.

Прикоснулась щекой к его виску, млея, тая. Не зная, как собрать свои размякшие кости и мышцы. И мозги.

Из коматоза меня вывел заглохший двигатель. Водитель вышел из машины, и я вздрогнула от хлопка двери и холода, окатившего разгорячённую кожу.

Мы приехали. Вернулись в «Рай».

Сквозь тонированное стекло видела сверкающее здание, готовое в любое время впустить в свои чертоги гостей. И исполнить за их деньги любое, даже самое грязное желание.

Нет.

Хозяин «Рая» совсем не простой человек. Разбирается в грехах не хуже Люцифера. И меня искушает, подавляет волю. Если бы не разговор с Соломоном, я давно бы уже сдалась. Но, даже зная, насколько жуткое обвинение ему предъявлено Соломоном, веду себя непозволительно. Оправдывая своё поведение лишь смутной надеждой на то, что слова друга моего отца не имеют ничего общего с истиной.

Но я обязательно узнаю правду. И если Соломон не солгал, уничтожу Хозяина.

– И на что будут похожи наши отношения? – отстраняюсь,

чтобы заглянуть в почерневшие глаза.

В них горит желание, такое мощное, что способно спалить всё дотла. Сглатываю слюну, опасаясь, что после него от меня останется только обуглившаяся плоть.

– Что скажут твои люди, когда узнают, что их сюзерен якшается с посудомойкой?

– Якшается? – переспрашивает, забавляясь выбранным мной определением.

Улыбается. Действительно улыбается. И я вижу прямой ряд белоснежных зубов. Не сидела бы на нём, мои коленки превратились бы в вату от столь захватывающего зрелища. Мамочки. Нельзя быть до такой степени убийственно красивым. Вероятно, он скрывает свои улыбки, чтобы не стать жертвой поклонниц-сталкерш.

Встряхиваю головой, пробуя избавиться от наваждения и включить мозг. Отвожу от него глаза, хотя мне до ужаса нравится то, как он сейчас смотрит на меня. Будто лаская. И от того внутри расплывается тепло. Как от горячего напитка в студёную погоду.

Я не сомневалась, что он вновь проведёт меня в свои апартаменты окольными путями. Да и не особо меня это заботило. Ведь наш разговор – простой трёп. Моя цель – узнать правду.

Хоть в голове сейчас мякиш, но я отдавала отчёт тому, что я для него временное, экзотическое развлечение. Забава, с которой весело возиться. Попользуется мной и забудет.

– Таскаешься, путаешься, шароёбишься? – подкидываю ему ещё парочку вариантов.

Шамиль вздыхает, закатывая глаза, и принимается приводить мою одежду в порядок. Натягивая платье на зад, оставляя мою плоть пульсировать от неудовлетворённого, напоминающего о себе при каждом движении желания.

Сукин сын, он сделал это намеренно. Специально заставил испытывать муки.

– Надо было бы дать тебе время подрасти для начала. Да не уверен, что ты способна выжить самостоятельно, – выдаёт странную, неясную для меня мысль.

– Ну раньше как-то удавалось, – почему-то севшим голосом произношу, сводя брови. К горлу подкатывает колючий ком.

– Не очень успешно, – замечает с явным скепсисом и покидает салон автомобиля, помогая мне выбраться.

– Пойдём проверим, что скажут твои бывшие коллеги, – притягивает к себе под бок, чтобы у всех, кто нас видел, не оставалось сомнения в том, кому я принадлежу.

Шамиль провёл меня в ресторан. Время позднее, но люди ещё веселились. Пили, ели, смеялись. Вели беззаботную сытую жизнь. Как моя семья когда-то.

За одним из столиков сидел Ян с девушкой, поглощённой его персоной. Но, когда он увидел нас, резко поднялся с места. Словно порываясь подойти. Но не стал. Осел, злясь. Причём злился он почему-то именно на меня. Будто я его

предала. И я действительно испытала неловкость. Хотя ничего ему не обещала.

Шамиль поймал наше переглядывание, смерив меня похолодевшим взглядом. Предостерегающим. Но повторять уже ранее озвученную угрозу не стал.

Нелли нас заметила. Побледнела. Слухи о том, что я провожу время с Хозяином, наверняка до неё долетели. Но видеть всё своими глазами... совершенно иные ощущения.

Идея утереть ей нос оказалась не такой вкусной, как я ожидала. Точно десерт, о котором много мечтаешь, но на деле испытываешь разочарование.

Конечно, у Шамяля в собственном заведении имелся столик, который не отдают другим гостям. Официант принял заказ и удалился. Кроме алкоголя в моём желудке давно ничего не было. Но голода я не испытывала. Лишь опустошение из-за насыщенного событиями вечера. Информация еще не улеглась в голове. И я с трудом понимала, как жить дальше.

Но одно я помнила хорошо. Со слов Соломона, вскоре я узнаю мотив, которым руководствовался Шамиль. Заказывая моего отца.

А потому я сидела и не рыпалась. Ввинчивая в мозг Шамяля уверенность, что птичка в клетке.

– И на каких условиях я твоя? – интересуюсь, откидываясь на спинку стула.

Смотрит на меня, сузив на секунду глаза. Словно щёлкая на сетчатку фотоснимок. Чтобы потом засунуть его в альбом

воспоминаний с надписью: «Сучка».

– Я тебя содержу, а ты меня слушаешься.

Короткий ответ. Понятно.

Внутри вскипает неконтролируемая злость.

– А после отдашь какому-нибудь своему другу или подаришь вольную, и я смогу сама найти нового Хозяина?

Шамиль весь из себя такой самоуверенный. Строгий. Суровый. Меняется в лице.

Я уже не единожды наблюдала, как мои слова или действия заставляют на долю секунды сползти с него маску спокойствия.

Сжимает челюсти так, что его идеальной формы губы белеют. Мышцы напрягаются.

Но вот проходит секунда, и словно ничего и не было. Снова расслабленный. Хозяин жизни. И его рабы, как мальки, рассекают воду рядом, заглядывая ему в рот. Всё ли ему нравится, чем ещё угодить. Если бы он щёлкнул пальцами, любая из местных официанток заползла бы под стол и отсосала ему.

– После меня тебе не понадобится думать о будущем, – сухо поясняет.

Приподнимаю брови вверх, вытягивая губы в форме буквы «О».

– Потому что его у меня не будет? – ухмыляюсь. – С такими, как ты, опасно связываться.

Смотрит на меня, точно ощущая, что я, словно вода, вытекаю сквозь его пальцы.

– Чего ты хочешь? – подаётся вперёд, складывая руки на столе как делец, обсуждающий важную сделку. Ткань пиджака натягивается под вздыбившимися мышцами.

Блин, такого вопроса я не ожидала.

Ему не терпится скрутить меня по рукам и ногам. Только какой ценой?

Чего я хочу? Чтобы ты признался, что не убивал моего отца. Что не имеешь никакого отношения к смерти брата. Что ты мимо моей семьи даже не проходил.

– Дай мне свободу, – прикусываю со всей силы нижнюю губу, делая как можно более невинный вид, насколько это возможно, когда из макушки выглядывают рожки, – и я сама приду к тебе.

Ему не нравится мой ответ. Ох как не нравится. Но что-то не позволяет ему взять меня силой. Приковать в подвале металлическими цепями, чтобы иногда спускаться и кормить меня своей спермой.

Впрочем, не удивлюсь, узнай я, что один из этажей оборудован для подобных целей. А Хозяин вполне способен вести очень грязные игры.

Но сейчас ему хочется большего.

Приручить меня.

Во всём виновата его дикая, безграничная самоуверенность. Он считает, что я сама к нему прибегу. И я опасаясь,

что он очень близок к истине. Что я брошу все мысли о возмездии, погружу, как страус, голову в песок, буду поливать цветочки и, подпоясав талию фартуком, жарить пирожки.

– И куда ты пойдёшь?

Шамиль наблюдает за мной, покручивая в руках бокал виски.

В горло кусок не лезет. Хотя я понимаю, что, если сейчас вернусь к бабке, до утра останусь голодной.

Но оставаться рядом с ним для меня разрушительно. От его близости мои мозги ржавеют. Колесики совсем не двигаются.

А мне необходимо подумать. Подготовить план действий. Узнать у Соломона подробности. И то, какой именно компромат нужен на Шамиля. Потому что он явно не из тех, кто оставляет улики на видном месте.

Перед ответом всё же разрезаю кусок говядины и буквально заталкиваю в рот. Медленно прожёвываю. И глотаю.

В памяти всплывает квартира, где сейчас мама. Засаленная, тёмная. Сто лет не видевшая ремонта. С местами отошедшими от стен обоями и порванным коричневым линолеумом.

А здесь как в сказке. Огромная хрустальная люстра отражает свет, переливаясь, бликуя на шёлковых стенах. Дорогом паркете, деревянных, обитых тканью мягких стульях, покрытых атласными скатертями столах.

И моя роль в этой сказке – Золушка. Только полночь бли-

зится.

– Мне нужно к маме, – отвечаю честно.

Я действительно соскучилась. А зная её, ещё и волнуюсь. Переживаю.

Ведь я даже не помню, где мой сотовый. И бабка уже, возможно, оставила сто сообщений с угрозами.

Шамиль на короткий миг прикрыл веки, тяжело вздыхая. Наверное, вновь сожалея о том, что я малолетка. Потому что от моих слов на его лице отражается му́ка.

Прости, дядь Хозяин. Я твоё наказание.

Он дождался, пока я затолкаю в себя еду, прежде чем озвучил решение.

– Хорошо. Но если ты завтра не явишься... Достану тебя из-под земли.

«И убью», – прочитала я в его взгляде.

Глава 4

Собственно, если он достанет меня из-под земли, чтобы вновь туда вернуть, то стоят ли мои поиски усилий? Озвучивать свой риторический вопрос я не рискнула.

– Что же, я себе враг? Меня тут сыто кормить обещают, чтобы сбегать, – поздно прикусываю острый кончик языка.

Шамиль молчал. Наверное, никак не мог взять в толк, почему терпит мои выходки. Если он ожидает обнаружить в моих трусах золотую вагину, боюсь, придётся его разочаровать.

Впрочем, и я сама не понимала, почему так себя веду. Но

наблюдать огонь бешенства в его глазах порой так же сладко, как и звериную страсть. И от того, и от другого низ живота начинало тянуть. Он выработал во мне на себя рефлекс. Как у собаки Павлова.

– Вставай, – холодно произносит. И смотрит так, будто сейчас схватит за шкуру и вышвырнет в окно.

Обиделся, поди.

На моём месте Нелли, наверное, уже описалась бы от страха.

А я просто резко поднимаюсь из-за стола. Как вымуштрованный солдат. С той лишь разницей, что едва не падаю, пугаясь в собственных ногах. Чёрт бы побрал эти высокие каблуки.

– Я отвезу тебя домой, – поднимается следом, наблюдая за моими трепыханиями, не отрывая от меня глаз. Двигаясь плавно и грациозно, как большой дикий кот.

С трудом поборол в себе желание подойти поближе и убедиться, что этот потрясающий мужик разговаривает со мной. Смотрит на меня. Хочет меня. А не плод моего больного воображения.

Опускаю взгляд, чтобы он не прочитал в нём грязные мысли. Хотя мне порой кажется, что он не напрягаясь читает каждую из них. Слишком безыскусно я прячу эмоции. В отличие от него.

Шамиль подхватывает меня под талию, пока я рассматриваю узор паркета под ногами. И выводит из зала. Накрыва-

ет мои плечи шубкой, окуная в её тепло. А я так привыкла мёрзнуть, что на секунду застываю на пороге, замешкавшись. Думая о том, как всё было бы иначе, имею я возможность остаться здесь. В его постели. И согреться в его объятиях.

Но я не заработала ещё права на нормальную жизнь. И на жизнь вообще. Пока не разберусь со всеми призраками.

Сказки для принцесс. А я...

Лишь сев в его машину, вспоминаю, что шею стягивает бриллиантовый чокер. Красивый ошейник, для той, которую хочет сковать цепями. Понятия не имею, настоящие ли в нём камни, но подозреваю, что именно это украшение стало знаком для Соломона. Что Ямадаев меня трахает.

Не знаю, почему Шамиль ещё не попросил вернуть ошейник. Но дожидаться этого момента не хочется. Расстёгиваю застёжку, стягивая чокер с шеи.

Хозяин не смотрит в мою сторону. Лишь на дорогу. Но я не сомневаюсь, что с боковым зрением у него всё в порядке.

Отвожу взгляд от сверкающих камешков, зажав их в ладонях, и, опасаясь заглянуть ему в лицо, останавливаюсь на руках, сжимающих руль. Венах, проступающих на широкой кисти. Металлических часах, обхватывающих массивное запястье. И забываю обо всём, поддавшись гипнозу его спокойных и уверенных движений. Даже не замечая, как дыхание становится глубже. Сглатываю, едва не давясь слюной.

Мне нравилось даже то, как на его груди чуть натягива-

лась рубашка. Напоминая мне, какие мышцы под ней прячутся.

Это вообще нормально – испытывать возбуждение, просто сидя рядом с ним?

Поёрзала задом, не зная, как принять удобное положение, потому что тонкое бельё прилипло к промежности, став влажным. В отличие от трусов, во рту неожиданно сухо.

– Куда это положить? – спрашиваю, едва справляясь со своим дрожащим голосом.

– Можешь оставить себе, – отвечает, по-прежнему не отрываясь от дороги.

А у меня отчего-то сердце заходится в груди.

Наверняка это безделушка. Ну правда. Не может же он подарить мне чокер с бриллиантами! С настоящими камнями такая вещь стоит дороже, чем вся моя жизнь.

Чувствую себя идиоткой. Размечталась! Конечно же, это бижутерия. Иначе быть не может. В подтверждение собственных мыслей я неловко засовываю чокер в карман шубы. Видимо, её мне тоже не придётся возвращать.

Ну всё, прилетят мне оскорбления от бабки. На этот раз почти близкие к истине.

Автомобиль припарковался у моего подъезда. Шамиль помог мне выбраться из машины. А я подтвердила свою шалавую репутацию у всех местных сплетниц, что сейчас прилипли к окну.

Мы остановились у моей квартиры, очевидно ожидая, ко-

гда я нажму на звонок. И кое-кто, кажется, планирует навещать в гости. Чёрт.

– Ты хочешь зайти? – уточняю, потеряв всю свою дерзость.

Мне не нравится эта идея. Не потому, что испытываю смущение, стыдясь своей нищей жизни. Что есть – то есть. Строить мне из себя нечего. Да и он слишком многое обо мне знает. И видел меня в самом неприглядном свете.

Но я не желаю, чтобы Шамиль встретился с моей матерью. Если он имеет какое-то отношение к гибели отца, то вполне может быть знаком и с его женой. Хотя, конечно, наркотики сильно отразились на маминой внешности. Да вот рисковать не хочется.

– Почему нет? – наблюдает за мной с интересом.

Я тяну к нему руки с намерением дотронуться. Первой. Раньше инициатива всегда исходила от него.

Касаюсь пальчиками белоснежной рубашки. Щупая стальной пресс под ней. Восхитительные ощущения. Поднимаюсь выше к груди, с наслаждением чувствуя биение его сильного сердца. Борясь с желанием прикрыть веки от удовольствия. И наконец смыкаю пальцы у него за шеей. На высоких каблуках это не вызывает сложностей. И почти повисаю на нём.

Хозяин не облегчает мне задачу. Не касается меня, оставляя руки в карманах брюк.

Смотрит на меня потемневшим взглядом, не шевелясь.

Лишь его тёплое дыхание греет мою щёку. Вижу в свете тусклого свечения лампы пробивающуюся под кожей щетину. Мне хочется трогать его. Исследовать. Но я так мало могу сейчас себе позволить.

Если слишком далеко зайти, обратный путь я уже не отыщу.

Привстаю на цыпочки, лёгким, как пёрышко, касанием целую уголок губ. И собственным телом ощущаю, как он напрягается. От этого почти невинного жеста.

– Пожалуйста, не сегодня, – шепчу, царапая губы о щетину на его подбородке. О щетину на его шее. Вдыхая по-наркомански пьянящий мужской запах.

Если бы я не прижималась к нему, не чувствовала бы бесшумное биение сердца, то решила бы, что обнимаю каменное изваяние. С некоторыми столько же твёрдыми частями тела, что, похоже, через одежду стремились проникнуть в меня. Очевидно указывая на интерес хозяина.

Подтянулась чуть выше, почти карабкаясь по нему, не хватало только обхватить его торс ногами, как обезьянка. Намереваясь проверить, в какой момент его оставит выдержка.

Вроде пора это завершить. Прекратить его провоцировать. Но я отлично знаю, что стоит его отпустить и переступить порог квартиры, как я окажусь в хорроре под названием «Моя жизнь». По сюжету которого из всех передряг я долж-

на выпутываться сама. А человек, запахом которого я дышу, возможно, злейший из моих врагов. Но не такой правды я желала.

И мне хотелось ещё чуть-чуть побарахтаться в омуте неведения. Полуправды. Полутонов.

Лизнула нижнюю губу Шамиля и тут же ощутила, как меня буквально сдуло с него. Жёсткие пальцы впились в плечи до боли, до синяков, вжимая меня в стену. Не ожидая ничего подобного в ответ на свои действия, я пялилась на него широко распахнутыми глазами.

Хотела что-то спросить, да забыла весь алфавит. Лишь глотала ошарашенно воздух, выбитый из лёгких.

– Скажи, что мне мешает трахнуть тебя прямо здесь? – Его лицо сейчас как у оскалившегося волка. Ни теплоты, ни желания. Только голод. Животный и дикий.

Моя напускная самоуверенность улетучивается, уступая место растерянности и страху. Я читаю по его глазам, что ещё чуть-чуть, и случится взрыв. Разнося на своём пути всё. Меня и мою жалкую лачугу вместе с панелькой.

В черепной коробке вакуум. Ни одной дельной мысли.

Но вижу нас со стороны. Он в дорогом костюме. Красивый. Высокий. С тёмными густыми волосами. И чёрными глазами. И девушка – с фотопленок начала девяностых, попавшая в лапы бандита. В шубе, на шпильках, в чёрном платье и дорогом колье. Жаль, причёска подкачала. Начёс не сделать.

Самое время сейчас разыграть карту девственности. Пролепетать, что я мечтала подарить ему свою невинность не так. Не в грязном подъезде, а на белых простынях. Сладкие слова, которые можно было бы скормить голодному хищнику. Но ничего подобного не приходит в мою глупую голову.

Вместо этого, вся дрожа от переполнявших меня чувств, я тянусь к нему. Не думая о том, что соседка из квартиры напротив сейчас пялится в глазок. Подглядывая за нами с жадным, со слюнями до пола, интересом.

Шамиль подхватывает меня под задницу, обхватывает широкими ладонями мои бёдра, продолжая вжимать в стену. Его пальцы оставляют следы на моей плоти, выжигая последние капли моей расчётливости. Следы всех моих планов.

И мне уже всё равно, что будет дальше. Я хочу его прямо сейчас.

Обвиваю его ногами, ощущая, как туфли со стуком падают на бетонный пол. Как мои тончайшие трусики соприкасаются с его телом. Как клитор трётся о грубую ткань его одежды, и это почти доводит меня до экстаза.

Шамиль накрывает мой рот своим, будто желая поглотить меня полностью. Сжать зубами моё тело, каждую косточку, облизать всю кожу целиком. И вместе с ним я никогда не чувствовала такого голода. Такой сильной, непреодолимой потребности в другом человеке.

И я тянулась к нему, прижималась, желая оказаться как можно теснее. Вдыхая запах его тела, прикусывая до боли

кожу на шее и зализывая следы своего вандализма.

Шамиль дёрнул платье вниз, обнажая грудь. До меня донёсся звук разрывающейся ткани. Губы тут же обхватили болезненно возбуждённый сосок. Он вобрал его в рот, пропуская между зубов, прикусывая. Даря ни с чем не сравнимое удовольствие.

С губ сорвался стон. Просьба. Мольба.

Я готова была отдаться ему прямо сейчас. Молить его об этом. Уверять, что после этой ночи я сооружу ему алтарь с его изображением. И буду поклоняться. Только бы он заполнил эту пульсирующую, ноющую пустоту внутри меня.

Неосознанно трусь промежностью об него, бормоча нечленораздельные глупости, о которых потом могу очень пожалеть. Но совладать со своим желанием не в состоянии. Оно заполонило всё. Поглотило по самую макушку. И когда рука Шамиля, пробравшись между наших прижатых друг к другу тел, накрыла пульсирующую головку клитора, я замерла, едва не улетев. Закатывая в экстазе глаза. Только вот его пальцы не двигались. Я едва не плакала, хныча от острого разочарования.

А он острым взглядом взирал на меня. Холодно, сосредоточенно. Будто сам не сжигаемый огнём.

– Если завтра тебя не будет, Лиса, ты сильно об этом пожалеешь, – хрипит севшим от возбуждения голосом мне в лицо. Опускает меня на землю. Во всех смыслах.

Словно ребёнок, у которого из рук только что вырвали

конфетку, я смотрю на то, как он поправляет свою одежду. Не понимая, как так.

Спустя минуту слышу, как он спускается по лестнице. Хлопок двери подъезда. Он уехал. Уехал, давая понять, чего я могу лишиться, если не вернусь.

Глава 5

Сползла на пол по стеночке. Подобрала к себе ноги, обнимая. Продолжая ощущать ток тепла по телу. Шубка грела. Но причиной жара были губы Шамиля. Сводящие с ума. Кружащие голову. Сбивающие с прицела.

Со всей силы зажмурилась, но это не помогло стереть с сетчатки минувшую сцену.

День был тяжёлый. Устала дико. И долго так сидеть не выйдет. Как бы мне ни хотелось обратного, но нужно стучаться в дверь. И встретить неприятности лицом к лицу.

Подняла валявшуюся рядом туфлю и ударила шпилькой пару раз по двери. Получилось не слишком громко. Но спустя несколько мгновений раздались шаги. Бабка.

Сжала в кулак всю свою волю и встала, морозя стопы.

– Явилась, не запылилась, прошмандовка, – родственница недовольным голосом выплёскивает яд прямо с порога.

Окидывает меня пренебрежительным взглядом, задрав высоко нос. Будто передо мной королева Великобритании. Не меньше.

Я слишком устала, чтобы препираться. Протискиваюсь в квартиру, не желая вести диалог. Но мои планы не волнуют

бабку.

– Где ты шлялась все эти дни? Почему я должна следить за твоей мамашей? – ступает за мной по пятам, пока я снимаю верхнюю одежду.

Она словно только сейчас заметила, в чём я пришла. Поняла, что на мне вовсе не одежда из секонд-хенда. Сканирует меня, хищно сузив до щелочек глаза. Становясь похожей на ворону, которая хочет заклевать меня.

– Всё-таки пошла по стопам своей мамыши, шлюха. Живёшь тут и ни копейки не приносишь, хотя сама в мехах расхаживаешь. Потаскушка малолетняя. В холодильнике шаром покати, а ты мне даже денег не даёшь.

Каждое её слово отдавалось внутри меня острой болью. Хотелось развернуться. Накричать на неё. Высказать всё, что думаю.

Будь у моей мамы другая родня, может, ей и не пришлось бы топить горе в алкоголе и наркотиках. Не пришлось бы рано сбегать из дома и связываться с бандитом. Мама даже не упоминала о бабушке, пока отец был жив. Стараясь вытравить из памяти этот период жизни. Только вот судьба имеет скверное чувство юмора. И очень жестокое.

Но я молчу. Знаю, что хуже будет.

Заглядываю в нашу с мамой комнату. Но она пустая. По коже проходит холодок, стирающий тлеющее тепло. Мою шею словно кто-то сжал жёстким захватом в попытке вытащить хребет. Стало не по себе.

– Как давно мамы нет? – поворачиваюсь к бабке, которая стояла за спиной, продолжая сыпать оскорблениями.

– Да вы с ней по сменам, наверное, стоите на Ленинградке. Вот только что ушла.

Расслабляюсь немного, ощущая, как мышцы тут же обмякают.

Значит, скорее всего, с ней ничего не успело произойти.

Как зомби умываюсь, переодеваясь в застиранную пижаму, и забираюсь под одеяло. Тоскливо обнимаю подушку, чувствуя одиночество. Оно, как чёрная дыра, расширялось внутри до бесконечных размеров. И увеличивалось с каждой минутой с момента ухода Шамиля.

Отчаянно хотелось обратно к нему. Рядом с Шамилем я не испытывала страха. Чувствовала себя защищённой.

Я уже позабыла, что это за чувство. Невероятно приятное. Когда дышишь полной грудью. Не ощущая стальных тисков, сжимающих рёбра. И знаешь, что тебе протянут руку, даже если ты окажешься на дне сточной ямы.

Но дело было не только в этом. Как бы я ни гнала эти чувства от себя, но игнорировать собственную влюблённость так же бесполезно, как слона в комнате.

Что же будет со мной, если Соломон не соврал?

С этими мыслями я отключилась.

Проснулась с утра от барабанной дробы. Звук, от которого кровь стынет в жилах. Выбивающий остатки сна за секунду.

По ту сторону глазка стоял Соломон. Мгновение смотрела

на него, не испытывая желания впускать. Но всё же отворила дверь.

На мне старая пижама, закрывающая тело от горла до пят. Тёплая. Но даже в ней мне казалось, что я голая. Хотелось укрыться от его глаз. Спрятаться. Потому что, глядя на него, я не понимала, как могла испытывать к этому человеку детскую влюблённость. Плескавшаяся в его светлой радужке похоть пачкала меня.

– Доброе утро, Лисичка, – произносит, вызывая в ответ рвотный позыв.

Сцепляю челюсти.

– Утро, дядя Соломон, – здороваюсь куда сдержаннее, стараясь спрятать отвращение.

Но не уверена, что у меня выходит. Впрочем, Соломон и близко не столь проницателен, как Шамиль. Он ничего не замечает, уверенный в своём превосходстве перед маленькой глупой девчонкой. Что я могу понимать? Такие, как он, с женщинами не считаются. А используют их в разных целях.

Пропускаю его в квартиру. Бандит проходит внутрь, озирается с явным отвращением. Но продолжает улыбаться. От чего я чувствую тошноту. Не из-за него. А из-за своей наивности. Глупой давней влюблённости.

Почему пелена спала лишь сейчас, когда мне удалось сравнить его с другим? С Ямадаевым. И разница настолько ощутима, что я просто поражаюсь ей.

А ведь все эти годы я вспоминала его совсем в ином орео-

ле. Даже несмотря на то, что он кинул нас с мамой.

– Рад, что ты смогла подобраться к нему близко, – вещает важно, – даже не предполагал, что он это допустит. Шамиль ведь почти не общается ни с кем, кроме узкого круга лиц.

Соломон изучает вид из окна моей комнаты. Убогий и печальный. Серый, пасмурный.

А я ощущаю странный отклик в сердце. Будто внутри меня сквозь толщу асфальта пробивается зелёный росток. Желаящий жить. Увидевший свет.

И на секунду мне вдруг становится очень хорошо. Благодаря мыслям о Хозяине. Моём хозяине...

– Почему я должна верить тебе? – выдаю резче, чем хотелось бы, обнажая свои эмоции. – Я требую доказательств, прежде чем что-то сделаю ради тебя.

Соломон медленно отрывается от созерцания окружающей меня нищеты и смотрит делано удивлённо.

– Ради меня? – усмехается. – Ради себя, Лисичка. Ведь это твоя семья пострадала от его рук. А я просто помогаю восстановить справедливость. Ради тебя.

Меня выворачивает наизнанку от этих слов. Хочется подойти и расцарапать его глумливую рожу. И в то же время то, как он это говорит. Его уверенность задевает и злит. А ещё очень пугает.

– Доказательства, дядя Соломон, – упрямо повторяю, смотря на него взглядом лисы, пойманной в капкан.

– Мне на слово ты ведь не поверишь, – печаль в его голо-

се звучит почти правдоподобно, – но, если окажешься в его загородном особняке, уверен, найдёшь подтверждение моим словам.

– Почему не скажешь сейчас? К чему мне рыскать по его дому?

– Лучше один раз увидеть, Лисичка. И я надеюсь, увиденное не собьёт тебя с цели. Потому что ты должна добыть для меня кое-какие документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.